

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ В РУССКИХ ГОВОРАХ ОДЕСЩИНЫ

Л. Ф. Баранник (Одесса)

Словарь русских островных говоров Одесщины, длительное время функционирующих в отрыве от основного языкового массива в разноразличном окружении, пополняется и обновляется за счет трех основных источников: 1) освоения слов и значений русского литературного языка, 2) освоения заимствований из контактирующих языков и диалектов, 3) новообразований в лексико-семантической системе говоров в результате деривационных процессов, словообразовательных и семантических.

Словообразовательные и семантические инновации в русских островных говорах являются неизбежным следствием их жизнестойкости, динамики и контактов с соседними языками и говорами.

В настоящей статье анализируются локальные субстантивные новообразования, имена существительные со значением лица или предмета, развившиеся в русских островных говорах Одесщины новые ЛСВ, образованные в результате семантической деривации общенародных, диалектных и заимствованных слов путем метафоризации.

Метафоризация — одно из действенных средств пополнения лексических запасов русских островных говоров, удаленных от основного языкового и диалектного массива и в силу своей изолированности принужденных обращаться к внутренним резервам и возможностям своей лексической системы.

Материалом для анализа послужили вышедший в 2001 году двухтомный "Словарь русских говоров Одесщины" и личные многолетние наблюдения автора над лексикой исследуемых говоров.

Словарь русских говоров Одесщины составлен по дифференциальному принципу, в нем отражены все типы диалектных слов, диалектные значения общерусских слов, а также освоенные русскими переселенцами заимствования из соседних языков и говоров (украинских, болгарских, молдавских и др.), их словообразовательные и семантические дериваты, возникшие в системе русских островных говоров Одесщины. В Словаре нашли отражение различного рода новообразования, специфические местные слова с общерусскими диалектными и иноязычными корнями, фонетико-словообразовательные и семантические варианты литературных, диалектных и заимствованных слов, не зафиксированные в "материнских" русских говорах. В Словаре русских говоров Одесщины они сопровождаются пометами "СРНГ: нет" или "СРНГ: в этом знач. нет".

Пласт семантических дериватов в русских островных говорах Одесщины весьма объемный. По своему происхождению они неоднородны. Среди них выделяются:

1. слова, противопоставленные общенародным эквивалентам по значению, совпадающие по звучанию и морфемному составу с русскими литературными и просторечными словами, но имеющие другое значение или другую предметную соотнесенность;

2. слова, противопоставленные исконно южнорусским, "материнским", по своей семантике — семантические инновации, образованные на базе русских диалектных лексем;

3. семантические инновации, возникшие на базе заимствований из соседних языков и говоров.

Новые ЛСВ существительных в лексике русских говоров часто представляют собой результат переноса наименования предмета с одного предмета на другой на основе их сходства по характерному признаку, свойству, качеству, т. е. на основе метафорических связей, образных ассоциаций между основным и вспомогательным субъектами метафоры.

По Максу Блэку, в семантическом механизме метафоры участвуют четыре компонента: основной и вспомогательный субъекты метафоры и некоторые свойства каждого из них [Блэк М.; С. 153—172].

Метафора является одним из продуктивных способов создания языковой картины мира. В современных отечественных и зарубежных теориях метафора предстает как "вербализованный прием мышления о мире", подчеркивается тесная связь метафоры с познавательной и оценочной деятельностью человека как видами разумного видения мира.

Метафора отражает "способности человека улавливать и создавать сходство между разными индивидами и классами объектов" [Арутюнова Н. Д.; С. 15].

Имена существительные — самые древние объекты метафоризации в диалекте и языке. Объясняется это, в частности, тем, что у них наиболее резка контрастность при метафорическом переносе наименований с одного объекта на другой. Это способствует созданию яркого, экспрессивного образа, лежащего в основе переносного ЛСВ. Наиболее яркие и образны новообразования, обозначающие человека, ибо при этом наименования предметного мира (названия животных, насекомых, растений, блюд, одежды и др.) переносятся на человека и его сферу (характеристика и оценка человека по физическим, психическим, интеллектуальным, морально-этическим, социальным и др. признакам).

Издrevле человек проявлял способность к переносному употреблению слов, связанных с фауной. Отношения метафоричности в лексике, связанной с животным миром, (осел 'животное' и 'упрямый человек') известны многим индоевропейским языкам и диалектам.

Обнаруживают активную способность к переносному употреблению в сфере 'человек' слова, связанные с фауной, и в русских говорах Одесщины. Среди них выделяются общерусские лексемы: *баран, козел, бугай, бык, коро- ва, телка, жук, змея, лиса, медведь* и т. п. и узко локальные, образованные,

во-первых, на базе общерусских лексем (*карасик* перен. 'человек невысокого роста' (Кады дюжы малинький, то карасик уаварють (Демидово), *клоп* перен. 'человек с толстым красным лицом' (Клоп — то у нас на красналицева, талстамордава, сытава уаворють (Старая Некрасовка), Во-вторых, на основе "материнских" диалектных (так, например, диалектное *векиша* 'всякая белка вообще', сузив в говоре Павловка Арцизского района свою первоначальную семантику (в Павловке *векиша* 'осенняя белка'), приобрело новое переносное, образное значение 'непоседливый человек, ребенок' (У их дитёнак — векша пряма), в-третьих, на базе слов, заимствованных из соседних языков и говоров (напрмер, *леха* в русских говорах Одесщины, не только 'свинья', как в украинском языке (Гр., Т.2, С. 385), но и "неповоротливая, ленивая, полная женщина" (Ана леха толстая и лядачая), *гуч* в украинских говорах 'двухгодовалый жеребенок' (Дзэндзелівський, С. 232, Дроздовський, С. 239), в русских говорах Павловки, Вознесенки, Введенки *гуч* также 'молодой крепкий парень'; в молдавских говорах *неляпкэ* 'корова, которая впервые отелилась несвоевременно, на сезон раньше' (Дроздовський, С. 239; Гриценко, С. 27), в русских говорах *неляпка* также переносное экспрессивное 'девушка, родившая ребенка вне брака' (1. Нияпка — эта карова, катора рана привила тилёнка. 2. Нияпка — девушка с рибёнкам (Вознесенка, Введенка, Павловка).

Как показывают приведенные примеры, субстантивные метафоры, связанные с фауной, образны, экспрессивны, оценочны, они дают образную характеристику человека, положительную или (чаще) отрицательную оценку. Отрицательный смысл метафоры, связанной с характеристикой человека — языковая универсалия. Психологи объясняют это тем, что отрицательные смыслы отражают отклонения от нормы и требуют некоторых действий по исправлению этого положения. Информативно они более значимы и поэтому более четко выражены [Батыршин И. З., Шустер В. А., С. 31].

Несут яркие оценочные коннотации локальные метафоры типа *предмет* → *человек и его сфера*, образованные в исследуемых говорах от общенародных слов: *валик* 'толстый, ленивый, неповоротливый человек' (Валик — вахлатый, букатый, спить тока мноуа (Вознесенка), *лом* и местное *ломака* 'неповоротливый глуповатый человек высокого роста' (Ламак — здоровый да неба, а вазьми в работу — как мидведь за уарапцами (Старая Некрасовка) и др., от диалектных слов: *лубье* и *лубьё* 'старые ненужные вещи' и перен. 'старый немощный человек' (Я уже лубье старая (Старая Некрасовка), *жорны* (журны) 'жернова' и перен. 'морщины' (Я старая, лицо фсё в журналах (Успенковка), *намыка* 'кудель' и перен. *намыки* 'нечесанные волосы' (Распустил свои намыки) и др., от заимствованных лексем (например, в говоре Старой Некрасовки *лобода* не только 'лебеда', как в украинском языке (Гр., Т. 2., С. 373), но и перен., презрит. 'никчемный человек'; в Вознесенке *гуля*, как и в украинском языке, 'нарос, шишка' (Гуля у мене на шеи зделаицца) (Гр., Т. 1, С. 339), а также перен. 'женская прическа из длинных волос, уложенных клубком'; в

Александровке Котовского р-на молд. *каруцэ* (МРС), освоенное русскими как *каруца* (ср. Д., 1, 94 — *каруца* нврс. молд.) означает, как и в молдавском, 'телега, повозка', а также перен. 'толстая женщина с покачивающейся походкой' (Доня — толстая, как каруца, идет. Вон какая каруца пашла (показывает на полную женщину), в Анатольевке заимствованное у соседей-болгар *грѣнда* (*грьнда*) означает не только 'бревно', как в болгарских диалектах (РБЕ, Т. 3., С. 394, ЛАМ), но и перен., экспрессивное 'высокий, крепкий человек' (Дед мой грѣнда такой).

При метафоризации существительных, где обозначение исходного субъекта-предмета и его физических признаков переносится на метафорический субъект — человека и его физические, интеллектуальные и социальные свойства, возникают оценочные коннотации. Е. М. Вольф подчеркивает: "...оценка возникает в любых случаях, если денотат метафорического обозначения включается в целостную картину мира. Это чаще всего происходит, если денотатом — объектом оценки оказывается человек или сфера человека" [Вольф Е. М., С. 62].

Посредством образных оценочных метафор происходит воплощение языковыми (семантическими) средствами эмотивного образа мира, включающего в себя человека как его составляющую часть. Образные метафоры отражают "новое видение" человеком знакомых объектов, реалий. Об этом свидетельствует, в частности, появление в русских островных говорах разнообразных ЛСВ, указывающих на новые значения, отсутствующие в русском литературном языке и его диалектах, а также в соседних языках и говорах.

Экспрессивны и образны в русских говорах Одесщины метафорические существительные, обозначающие одушевленные и неодушевленные объекты, образованные по типу *названия животных* → *названия сходных с ними по внешнему виду предметов и явлений*. Так, например, *бугай* в Успеновке не только 'бык-производитель', но и перен. 'большая грозовая туча' (Дош буде: он какие бугай по небу идуть), а в Николаевке — перен. 'паровоз' (Ехали на бугаю. Бугай — ну ды паравос); *гусак* в Большом Плоском 'двухлитровая бутылка, в которой обычно держат самогон' (Што ты уостя чаем поиш, давай гусака); *лягушечка* разноцветная вставка между бретельками сарафана на спине' (Волну разноцветную для фасона фтавляли, лягушечка называли (Вознесенка), *жабочка* 'блестящая, расшитая бисером вставка на блузке или платье' (Петропавловка), *кочетки* 'петушки, цветы ирисы' (Ср.: южнорус. *кобчет* 'петух'), *барашки* 'волнистые украшения на женском платье' и т. п. Любопытно зафиксированное в говоре Русской Ивановки метафорическое наименование божьей коровки — *ванька-встанька*, образованное по типу *предмет* → *животное* (Ванькф-фстанькаф уйма литаить. Ванька-фстанька — па-вашаму божья карофка). Ср.: лит. *ванька-встанька* 'детская игрушка, куколка без ног...' (МАС, Т. 1., С. 131). Характерно, что название *божья коровка* старые жители Русской Ивановки не знают вообще.

Весьма значителен в русских говорах Одесщины пласт слов, метафоризация которых осуществляется по типу переноса наименований по сходству внешних признаков *с предмета на предмет*. Наиболее часто такой метафоризации подвергаются в русских говорах общеизвестные слова: *аршин* не только 'линейка в 0,71 м.' (МАС, Т.1., С. 47), но и 'дощечка для штукатурки стен $\approx$ такой же длины, как аршин', *блин* 'большой плоский воротник кофты или блузки', *воронка* 'горлышко бутылки', *опушка* 'резное деревянное украшение сельского дома' (Апушка хату красить. С апушкой дом, как картинка (Большое Плоское), *жёлоб* (ум. — ласк. *желобок*) 'долбленое продолговатое корытце, из которых поят лошадей'; *маковочка* 'кувшинка' и 'тюльпан'; *кубышка* в Муравлевке Измаильского р-на не только 'глиняный сосуд с узким горлом и широкими боками', как в литературном языке (МАС, Т. 2, С. 144), но и 'огородное растение — кабачки' (Прашували кубышки) и т. п.

Вовлекаются в процесс подобной метафоризации также диалектные слова. Например, в Вознесенке и Введенке *бабьлиха*, как и в говорах "материнских", курско-орловских — 'хлеб, испеченный в круглой форме', а также 'большой нарыв, чирей', *жарóвничка* не только 'ребристая форма для выпечки хлеба', но и 'металлическая крышечка для закрывания бутылок с водой или пивом'.

Новые метафорические значения, отсутствующие в языке-источнике, приобретают в лексико-семантической системе русских островных говоров и укоренившиеся в ней заимствования. Например, заимствованное из украинского языка двузначное слово *вагань* 'деревянное корытце для приготовления еды, теста' и 'корыто для стирки белья' (Гр., Т.1, С. 120) приобрело в исследуемых говорах новое значение 'большая лохань для утят' (Ва дваре вагань для вутенят (Успеновка, Вознесенка). Украинское *голка* 'иголка' (Гр., Т.1, С. 301) развило на русской почве два новых метафорических значения 'вязальная спица' и 'деревянная или железная палка для детской игры в казаны', болгарское *кавърма* 'мясное кушанье с острыми приправами' (Державин, С. 93) получило в русском говоре Спасское, помимо исконного значения, новое — 'студень' (Мяса варять, пака ни атстанеть ат касьтей. Палучаицца каварма, па-нашаму халадец), немецкое *Kuchen* 'сдобный свадебный пирог, ромовая баба' (PDW) приобрело в говоре села Вознесенка новое метафорическое значение 'торт' (Сичас кұхи в магазинах прадають).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что метафорическое значение является не только средством оценки, но и выполняет номинативную функцию, называя новые предметы и понятия старыми, знакомыми носителям говоров словами.

Н. А. Лукьянова подчеркивает: "Основные критерии, на которые можно опереться при оценке значений как лексико-семантических неологизмов, это новизна и социальная значимость реалии, называемой данным словом, а также показания языковой компетенции носителей говоров" [Лукьянова Н. А., С. 70]. Бесспорными неосемантами в русских говорах Одесщины яв-

ляются следующие слова: *виски* в значении 'парик' в говоре села Александровка Котовского р-на (Наша Манья сваму малому виски купила). Ср.: *виски* в "материнских" южнорусских говорах 'волосы на голове' и 'волосы на теле человека' (СРНГ, вып 4, С. 295-296), *веер* в значении 'вентилятор' в говоре села Троицкое (Эта вейр фчирась купила (показывает на вентилятор), *люлька* — 'коляска мотоцикла', *маяк* 'солнечные часы', *визитка* 'поздравительная открытка', *карта* 'монтаж из нескольких фотографий в одной рамке под стеклом' и т. п. Такие метафоры более нагружены не в эмоционально-экспрессивном, оценочном плане, а в когнитивном, так как служат наименованиями для новых реалий. Они соотносятся с ценностной картиной мира диалектоносителей, имеющей во многих случаях национально-специфическую окраску.

Наблюдения показывают, что метафорические переносы возникают в лексико-семантической системе русских островных говоров постоянно, особенно заметны они в тех тематических группах лексики, которые включают наименования жизненно важных, актуальных предметов и понятий для сельских жителей.

Лексико-семантической системе русских островных говоров Одесщины свойственны те же модели субстантивной метафоризации, что и литературному языку: животное → человек, предмет → человек, животное → предмет, предмет → животное, предмет → предмет. В результате метафоризации образуются новые собственно номинативные и образно-экспрессивные значения. Образные метафорические диалектные значения развиваются в частных диалектных системах на основе конкретно-наглядных, чувственных образов, находящихся опоры в жизненном опыте носителей говоров.

Специфика диалектных метафорических ЛСВ с точки зрения функциональной заключается в том, что система значений полисемантических слов в народных говорах находится в прямой зависимости от возрастной дифференциации носителей говоров. Так, например, только в речи стариков сохраняются старые метафорические наименования земельных участков: *клетка* 'часть поля, равная 10 десятинам', 'участок поля, отведенный одному хозяину' (Типерича паля бальшыи, а ф старину клетки, па частям разбиты паля были. Клетка — эта десить диситин (Большое Плоское), *полоса* 'участок поля, занимаемый одной жнеей' и т. п. Молодежь таких архаичных ЛСВ не знает.

Анализ метафорических существительных в русских островных говорах Одесщины показал, что лексико-семантическая система русских говоров, функционирующих в полиязычном окружении, весьма динамична, в ней постоянно происходит метафоризация общенародных, диалектных и заимствованных слов. В результате рождаются многочисленные семантические инновации, лексико-семантические неологизмы локального характера, как правило, эмоционально-экспрессивные.

Семантические инновации метафорического характера в русских островных говорах более разнообразны и многочисленны, чем в говорах основ-

ного языкового массива, так как в качестве исходного материала для метафоризации в островных говорах используются не только исконно русские (общенародные и диалектные) слова, но и заимствованные из соседних языков и говоров.

В диалектных семантических инновациях отражается психология сельских жителей, их взгляд на окружающий мир, проявляются их нравственные ценности и понятия, тонкая наблюдательность и образность мышления, специфическое видение и понимание картины мира.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс// Теория метафоры. — М.: Прогресс, 1990.
2. Батыришин И. З., Шустер В. А. Структура семантического пространства словесных оценок поступков// Принципиальные вопросы теории знаний: труды по искусственному интеллекту. — Тарту, 1984.
3. Блэк М. Метафора// Теория метафоры. — М.: Прогресс, 1990.
4. Вольф Е. М. Метафора и оценка// Метафора в языке и тексте. — М.: Наука, 1988.
5. Гриценко П. Ю. Моделювання системи діалектної лексики. — К.: Наукова думка, 1984.
6. Державинь І. С. Болгарські колонії в Росії (Тавричеська, Херсонська і Бессарабська губернії). — Софія: Мартилен.
7. Дзєндзелівський Й. О. Українські говори Нижнього Придністров'я. Канд. дисертація (рукопис), Ч. 1. — Одеса, 1951.
8. Дроздовський В. П. Спостереження над сільськогосподарською лексикою українських говірок Татарбунарського, Тузлівського і Саратського районів Одеської області// Праці Одеського державного університету ім. І. І. Мечникова. — Т. 148. — Вып. II. — Одеса, 1958.
9. Лукьянова Н. А. Лексика современных говоров как объект изучения. — Новосибирск, 1983.
10. Москаленко А. А. Словник діалектизмів українських говірок Одеської області. — Одеса, 1961.
11. Словарь русских говоров Одесщины. — Т. 1-2. — Одесса: Астропринт, 2000-2001.

Список сокращений

- Гр. — Гринченко Б. Словарь украинского языка. — Т. I-IV. — К., 1907-1909.
- Д. — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — Т. I-IV. — М., 1955.
- Лам. — Мичатек Л. А. Дифференциальный болгарско-русский словарь. — СПб., 1910.
- МАС — Словарь русского языка, Т. I — IV. — М.: Русский язык, 1981-1984.
- МРС — Молдавско-русский словарь. — М., 1961.
- РБЕ — Речник на български език, Т. 3. София, 1981.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров/ Под. ред. Ф. П. Филина. — Вып. 1-26. — М.; Л.: Наука, 1965 — 1991.
- PDW — Hermann Paul. Deutsches Wörterbuch. Achte Verlag: Halle (Saale), 1961.